

2. ЛОГИЧЕСКОЕ КАНТОВЕДЕНИЕ

А.С. БОБРОВА
(МГУ, Москва)

Кант и Пирс: теория суждений и теория рассуждений

Чарльз Сандерс Пирс (1839—1914) — фигура довольно интересная, но малоизвестная в нашей стране. Этот американский философ, ученый, живший в конце XIX — начале XX в., является основателем философского течения, названного прагматизмом. Его работы фактически не переводились на русский язык вплоть до конца прошлого века, и, к сожалению, до сих пор на русском языке (за малым исключением) нет удачных переводов его произведений¹. Наследие Пирса огромно (около восьми полновесных томов), круг интересов довольно широк: он занимался изучением проблем естественной науки, математики, философии, внес достаточно весомый вклад в становление современной логики, предложил взглянуть на нее под новым углом. Интерес к исследованиям в этой области возникает у Пирса со времени его знакомства с логикой Ватерли², которое произошло в возрасте 8 лет. С того момента логика становится его любовью, верность которой, по его словам, он сохранит до конца своих дней.

Появившись на свет в профессорской семье, мальчик с детства готовился к академической карьере, а потому он еще в юные годы познакомился с работами многих известных философов и ученых. В сфере логики Пирс признавал три автори-

2. Логическое кантоведение

тета; он полагал, что существует три великих логика: Аристотель, Кант и Дунс Скот³. Если идеи Аристотеля и Дунса Скота отражали основные логические конструкции, господствовавшие в логике фактически до конца XIX в., то идеи Канта помогли Ч. Пирсу по-новому взглянуть на задачи и предмет логики. Влияние, оказанное на него И. Кантом, огромно. Так, М. Мерфи, один из известных исследователей Пирса, даже говорит о кантианском периоде (1857—1865) его творчества⁴. Данная статья, конечно, не ставит своей целью описать это влияние, а содержит лишь попытку выявления роли определенных идей Канта в становлении логической теории Пирса. Сам Пирс отмечает, что к 16 годам им настолько хорошо была изучена «Критика чистого разума», что он мог цитировать ее наизусть. Особый интерес у него вызывала трансцендентальная логика, точнее, как мы убедимся, трансцендентальная аналитика. Спустя десятилетия после знакомства с работами Канта Пирс замечает: «Я был пылким поклонником И. Канта, по меньшей мере, в отношении трансцендентальной аналитики в “Критике чистого разума”. Я более безоговорочно верил в таблицы суждений и категорий, чем если бы они были принесены с горы Синай» (CP 4.2)⁵.

В работах Пирса присутствует два смысла понятия «логика». В самом широком смысле логика является для него синонимом семиотики (к этой мысли он приходит в конце своего творческого пути) и делится на три части: спекулятивную грамматику, призванную заниматься изучением знаков; критику, изучающую типы существующих рассуждений; и методистику, призванную давать методы для достижения истинного знания. В узком же смысле логикой для него является только второй член означенного выше тривиума — критика, которая должна изучать, как уже было сказано, теорию рассуждений (собственно, этот раздел и представляет собой непосредственно то, что мы привыкли называть логической теорией). Название для этого раздела он заимствует у Канта (факт такого заимствования им не скрывается). Уже из этого понятно, что влияние немецкого философа на него должно было быть

довольно значительным. Что же прельщает Пирса в кантовских построениях? Все ли его «устраивает»? Если нет, то с чем он не согласен? К какому пониманию логики (здесь и далее мы говорим о логике в узком смысле) он, в конце концов, приходит? Все эти вопросы мы предполагаем более или менее полно раскрыть в нашей работе.

Интерес к Канту у Пирса не случаен. Именно Кант первый создает содержательную логику. Если вся предшествующая метафизика начинала с выяснения того, «что такое» предмет, то Кант, отмечает Кассирер, начинает с того, «как» происходит наше суждение о предмете⁶, а потому в основе своей философской концепции он видит именно логику. Формальная традиционная логика не имеет никакого содержания, но формы и структуры общей логики не могут быть абсолютно безразличными к содержанию нашего познания. Получается, что она нуждается в некоторой информации извне, которую черпает из метафизики. Естественно, такая логика не могла лечь в основу кантовской философской концепции (логика должна быть универсальной основой, то есть основой и для метафизики). Чтобы разрешить возникшую проблему, Кант создает специальное учение, называя его трансцендентальной логикой, где доказывает необходимость наличия содержания в логической теории. За счет введения в логику трансцендентального элемента он расширяет ее предмет⁷.

В диссертационном исследовании К. Михайлова, посвященном этой теме, обосновывается позиция, что формальная логика получает базу в виде логики трансцендентальной. Михайлов отмечает: кантовская логика становится содержательной дисциплиной за счет внедрения в нее трансцендентального фрагмента, содержанием которого служит особый срез нашего знания, получающийся при элиминации из всех наших понятий и суждений об объектах эмпирического содержания⁸. В нем говорится о «различении объектов мысли», о «содержании мышления», но только о самом общем, «формальном». Его содержание, а следовательно, и содержание всей логической теории — это не просто какие-то данные из реально су-

2. Логическое кантоведение

существующего мира; «содержание», по Канту, — это объективная наполненность представлений в смысле указания способа отношения к объекту — эмпирическое это представление или априорное, трансцендентальное. Содержательное расширение предмета логики в таком случае ведет к проблеме расширения предмета формальной логики за пределы чисто формальных аспектов теории рассуждений. Это происходит за счет включения в ее предмет анализа теоретико-познавательных сторон и элементов логической деятельности⁹. Итак, мы получаем у Канта следующую картину: общая логика понимает объекты просто как таковые, без каких-либо параметров, как объекты из универсума рассмотрения. Объект логики трансцендентальной — это объект с определенными параметрами. А вместе они создают целостную картину логической теории.

Для Пирса, рассматривающего логику как науку «о мышлении, не столько о мышлении как физическом феномене, но о мышлении вообще, о его общих законах и видах»¹⁰, была важна сама возможность построения содержательной логики. Однако его ни в коем случае нельзя рассматривать как последовательного кантианца. При всем почтении к немецкому философу Пирс отказывается от многих кантовских положений. Почему от такого почитания идей основоположника немецкой классической философии Пирс приходит к их критике? Ответ на этот вопрос находится, на наш взгляд, в несколько ином понимании им предмета и задач логики.

Рассуждая о логике, Кант говорит, прежде всего, об общей чистой логике, то есть о логике, отвлеченной от всех эмпирических условий действия рассудка (от влияний чувств, законов памяти). Его логика имеет дело только с априорными принципами. Он, безусловно, говорит о существовании наряду с логикой общего применения рассудка логики частного применения рассудка, которая и должна описывать частные свойства, присущие объектам конкретной области наук. Но такая логика не может служить фундаментом обоснования общих принципов мышления, быть наукой о формальной стороне нашего познания, а потому не может заинтересовать Канта. Пирс в

некотором смысле «упрощает» кантовский подход. Будучи прагматиком, он не желает ограничиваться чистыми дисциплинами, а потому общей чистой логикой в кантовском понимании этого термина. Он не ставит перед собой кантовской задачи: подвести строгую логическую базу под свою философию. Для него важно при помощи логики выявить структуру процесса прироста нового знания, причем не только в чистых науках, но и в науках специальных (например, в естественных). Логика представляет собой своего рода пропедевтику наук и занимает иное, нежели у Канта, положение в общей системе наук. Для краткости и большей ясности предлагаем рассмотреть следующую схему:

Классификация Пирса придерживается следующего принципа: науки нижестоящие опираются на науки вышестоящие, берут из них свои первопринципы. На схеме не отражены все взаимоотношения между науками, целью ее является демонстрация места логики в общей классификации. Все науки подразделяются на теоретические, цель которых заключалась в достижении «знания божьей истины» (CP 1.239), и практические. Среди теоретических наук можно выделить науки открытия (целью которых было получение новых знаний) и науки обзора. Назначение последних в том, чтобы «суммировать результаты других теоретических наук и изучать их как образующих одну систему» (CP 1.256).

2. Логическое кантоведение

Одной из наук открытия, наравне с математикой и идио-скопией¹¹, является философия, к которой относится логика. Философия включает в себя феноменологию, нормативные науки и метафизику. Именно к нормативным наукам относил Пирс логику, куда вместе с ней входили еще эстетика и этика. Очевидно, что свои регулятивные принципы эти науки были призваны выводить из вышестоящих феноменологии и математики как более абстрактных наук. Любая нормативная наука призвана отличать «то, что должно быть, от того, чего быть не должно». Логика, будучи нормативной наукой, опирается на феноменологию, выступающую в роли «основы, на которой будут воздвигнуты нормативные науки» (CP 5.39), а также черпает свои знания из метафизики и математики. Итак, как мы отметили, логика должна была быть наукой нормативной, то есть задавать нам принципы и нормы правильного мышления, призвана устанавливать не «то, что есть, а то, что должно быть» (CP 5.39). Пирс выносит философский базис за пределы логической теории. Категории, лежащие у Канта в основе трансцендентальной логики, у него являются предметом изучения феноменологии. Правда, как и у Канта, логика Пирса имеет дело с правильным мышлением, а не изучает сам процесс мышления, ибо последнее есть задача специальной науки психологии.

Подобный подход к логике позволяет уже не ограничиваться общей чистой логикой в смысле И. Канта, а принимать во внимание и его частную логику. Это-то и придает логике содержательность, ибо дает Пирсу возможность рассматривать логику как дисциплину, способную отражать процесс *получения нового знания в науках не только «чистых», но и эмпирических*. Он не может в своих исследованиях ограничиваться синтетически априорными знаниями. В его работах мы находим следующее подтверждение нашему предположению. «Согласно Канту, центральный вопрос философии — “Как возможны синтетические суждения a priori?” Но до этого возникает вопрос: как вообще синтетические суждения, а еще обще, как вообще возможно синтетическое рассуждение. Когда

будет достигнут ответ на общую проблему, [ответ] на частные [проблемы] станет сравнительно прост. Это разблокирует [входную] дверь философии» (СР 5.348). Таким образом, ставя перед собой иные цели в логике, Пирс вынужден отходить от теории своего учителя И. Канта. Уместно отметить: его логика, как и кантовская, призвана давать некое метазнание, что некоторое рассуждение неправильно или что данное высказывание по отношению к уже имеющимся не дает новой информации, она не призвана давать нового знания, то есть выступать в роли очередного органона. Пирс просто хочет в рамках логики сконструировать эвристики для получения нового знания, а давать новое знание и демонстрировать, как оно порождается, — две разные вещи.

Итак, что же происходит с логикой Пирса в случае иного, нежели у Канта, подхода к ее целям и задачам? При исследовании кантовской логики особый интерес у него вызывает второй раздел «Критики чистого разума»: трансцендентальная аналитика, в которой как раз и разрешается вопрос перехода знания чувственного в знание рациональное, разбираются принципы, без которых немислим ни один предмет. Пирсу явно симпатизировало желание Канта изучить рациональные основы нашего рассудка, который и дает нам знания об окружающем мире, в отличие от разума, выходящего за горизонт возможного опыта.

В начале своей творческой карьеры он, следуя Канту, признает наличие у нашего рассудка способности суждения, поскольку «единство, к которому рассудок сводит ощущения (представления), есть единство суждения» (СР 1.548). Однако тогда, кажется, он еще явно не акцентирует внимания на том, что для немецкого философа, преследующего цель построения фундамента всех наук, единство представлений суть не столько суждения, сколько понятия (у Канта существенна идея доказательства тождества понятия и суждения). Суждение для него — лишь определенный способ (в зависимости от видов суждений — синтетические, аналитические или априорные синтетические) фиксации мысли — это «опосредованное зна-

ние о предмете, стало быть, представление об имеющемся у нас представлении о предмете» (3, 167). К нему Кант, скорее всего, обращается постольку, поскольку понимает, что мы не можем познавать предметы «напрямую». Мы вынуждены судить о них, то есть подводить наши представления под общие понятия, которые могут иметь силу для многих представлений¹². Рассудок же судит посредством понятий, ведь известно, что различие понятия и суждения не в виде связи, а в виде представления этой связи (в понятии речь идет о самих представлениях, в суждении о связи представлений). Именно в таком отношении «все суждения суть функции единства среди наших представлений» (3, 167).

Пирса, с его пониманием назначения логики, такой подход к пониманию основ нашего рассудка явно не мог удовлетворить. Он не мог допустить идею тождества понятия и суждения. Для него важно, прежде всего, что в суждении, в самом моменте его формирования уже сокрыт некий познавательный процесс, который играет немаловажную роль в схеме прироста нового знания. Принимая кантовскую идею содержательной логики, возможность изучения рациональных основ рассудка, Пирс вынужден был отказаться от кантовского понимания роли суждений в логической теории¹³. Во что же эволюционирует у Пирса кантовская теория?

Уже в «Новой таблице категорий»¹⁴ — работе, относящейся к 1968 г., то есть к раннему периоду его творчества, — он отмечает, что «единство [суждения] состоит в связи предиката с субъектом». «Каждое высказывание представляет собой отношение предиката к субъекту. Предикат — мысль, а субъект — только лишь мысль-о. Элементы предиката — опытные данные или представление опытных данных. Субъект никогда не представляется опытными данными, а лишь полагается. Каждое высказывание поэтому, будучи отношением опытных данных или известного к полагаемому или неизвестному, является объяснением феномена посредством гипотез и является выводом» (CP 5.548). Что здесь имеется в виду? Чуть выше уже отмечалось, что любое рассуждение может рассматривать

с двух сторон: либо лишь как средство для получения некоторой информации об объекте, либо в нем нас будет интересовать непосредственно процесс получения этой информации. Если Кант, как мы убедились, сторонник первого взгляда, то для Пирса более правильным выглядит второй. Это объясняется назначением его логики. Таким образом, он отказывается от кантовской теории суждений, полагая, что этот процесс вполне можно представить как рассуждение. После анализа этого заключения Пирса мы приходим к такому выводу: действительно, кроме того что само суждение можно рассматривать как процесс сказывания, оно не может возникнуть на пустом месте, а неизбежно возникает на полученной ранее информации. Таким образом, видно: цепочка суждений может без труда быть истолкована как процесс рассуждения.

Аналогичный подход к проблеме природы суждений уже существовал во времена схоластики. Схоласты нередко называли меньшую посылку антецедентом, а заключение консеквентом, заимствуя это у Аристотеля, который первоначально формулировал силлогизм не как вывод, а как импликацию, где антецедентом являлась конъюнкция посылок¹⁵. Кант, базировавшийся на средневековой логике, безусловно, был знаком с этим фактом, но его целью, прежде всего, было обоснование перехода эмпирического знания в знание рациональное в рамках рассудка. Суждения как раз фиксируют то единство, к которому рассудок сводит ощущения. Хотя Пирсу определенно нравится желание Канта изучить рациональные основы нашего рассудка, который дает нам знания об окружающем мире, но для него был важен, повторимся еще раз, сам процесс получения этих знаний, а потому в логике он интересуется именно рассуждениями.

Но если Пирса интересовали рассуждения, то почему он уделяет столь пристальное внимание трансцендентальной аналитике Канта и, кажется, вовсе не замечает трансцендентальной диалектики, в которой, как известно, речь идет о трех видах диалектических силлогизмов, различающихся входящими в них суждениями (категорические, гипотетические и дизъ-

юнктивные)? Дело в том, что у Канта силлогистической способностью обладает разум, стремящийся «к познанию мира вещей в себе, он мечтает выйти за пределы рассудочной науки с ее вполне выполнимыми, но слишком узкими задачами»¹⁶. У него нет объективной значимости, он не имеет дело с представлениями. Умозаключения, а Кант говорит только о дедуктивных умозаключениях, призваны дедуцировать безусловные выводы. По этой причине Кант рассматривает больше структуру силлогизмов, нежели их возможное содержание. Информацию об окружающей нас реальности мы можем получать только при помощи трансцендентальной аналитики, которая «построила единственную возможную онтологию рассудка для мира явлений»¹⁷. Пирса также интересует эта «онтология для мира явлений». Только в отличие от Канта он хочет выявить процесс формирования рассудочного знания, что заставляет его «разворачивать» суждения до рассуждений.

Получается, что логика для Пирса — теория рассуждений. Однако прирост знания не может осуществляться только при помощи дедуктивных рассуждений, а потому он расширяет свою логическую теорию за счет введения в область ее исследования недедуктивных рассуждений. Как видим, его логика не ограничивается дедуктивными способами рассуждений, в отличие от логики Канта, который не мог себе этого позволить, ибо это нарушило бы чистоту его логической теории. Логика же Пирса, получив недедуктивные способы рассуждений в свое распоряжение, становится способной отражать реальные процессы рассуждений, и в этом плане превращается в содержательную науку. Согласно ролям, которые играют дедуктивные и недедуктивные рассуждения в процессе прироста нового знания, Пирс именует первые, используя терминологию Канта, *эксplikативными*, или обосновывающими известные сведения, а вторые называет *амплиативными*, или отвечающими за получение качественно новых сведений. К *эксplikативным* рассуждениям он относит дедукцию, а к *амплиативным* — абдукцию и индукцию. В его логике выделяются три больших раздела, каждый из которых изучает опре-

деленный вид рассуждения: раздел дедуктивной (изучает дедуктивные рассуждения), индуктивной и абдуктивной (изучают индуктивные и абдуктивные способы рассуждения соответственно) логик. Безусловно, такое расширение логической теории лишает ее «звания» независимой фундаментальной дисциплины, как это было у Канта. Она сама уже опирается на феноменологию, математику и т.д. Пирс сознательно жертвует этой поистине замечательной идеей Канта, ибо для него важно выявить структуры, лежащие в основе процесса познания, то есть логика призвана стать базой специальных наук.

Процесс прироста нового знания, согласно его концепции, можно отразить при помощи трех видов рассуждений: дедукции, индукции и абдукции. Каждое из них играет в нем свою роль. Абдукция, формируя гипотезы, дает нам вневременное знание — то, что могло бы быть возможным, без гарантий, что это так есть. В отличие от нее индукция отражает накопление в рамках времени знаний о мире, опираясь на отдельные явления. Дедукция — это закон, указывающий, что будет происходить, если будут исполняться некоторые условия. Эти три типа рассуждений представляют собой три типа схем, по которым осуществляется наше мышление. Для того чтобы представить этот схематизм более наглядно, Пирс обращается к аристотелевской силлогистике.

Традиционный силлогизм, очевидно, отражает ход дедуктивного рассуждения. Разбирая природу дедукции, Пирс замечает, что этот вывод «представляет собой не что иное, как применение правила» (СР 2.620). Он предлагает следующую структуру дедукции: большая посылка представляет собой некое общее правило, а меньшая — его частный случай; и в ходе дедукции мы устанавливаем, насколько отмеченное правило соответствует имеющемуся примеру. Безусловно, термин «правило» не обозначает здесь некоего набора указаний к действию, а несет иную нагрузку. Называя большую посылку правилом, Пирс имеет в виду, что она является нормой при нашем положении вещей, в нашей начальной базе данных, то есть она не превращается в руководство к действию, а остается

ся высказыванием. Именно в этом смысле получается, что любая дедукция представляет собой результат применения *правила к случаю*. На примере это выглядит так:

Правило: Все бобы из этой сумки белые.

Случай: Эти бобы из этой сумки.

Результат: Эти бобы белые (СР 2.260).

Разбирая природу амплиативных рассуждений, Пирс приходит к мысли, что они представляют собой нечто большее, чем просто описанное выше применение. В случае индукции мы как бы «переворачиваем течение дедуктивной последовательности и выводим *правило* из наблюдения результата в конкретном *случае*» (курсив наш. — А.Б.) (СР 2.622). Исходя из такого понимания природы индукции имеем следующее:

Случай: Эти бобы из этой сумки.

Результат: Эти бобы белые.

Правило: Все бобы из этой сумки белые.

В итоге простой перестановки посылок мы приходим к рассуждению, в основе которого лежит схема неправильного модуса третьей фигуры силлогизма, отражающего сущность индуктивного рассуждения.

Простая комбинаторика показывает, что возможно также из *правила* посредством *результата* получить *случай*. Этот тип рассуждения Пирс называет формированием гипотез, описывая его следующим образом: «Предположим, я захожу в комнату и там нахожу несколько сумок, содержащих различные виды бобов. На столе находится пригоршня белых бобов, и после некоторого исследования я, обнаруживая, что одна из сумок содержит только белые бобы... [в результате делаю вывод], что эта пригоршня была взята из той сумки» (СР 2.623). Итак, перед нами неправильный модус второй фигуры, отражающий ход абдукции.

Правило: Все бобы из этой сумки белые.

Результат: Эти бобы белые.

Случай: Эти бобы из этой сумки.

Внимание здесь акцентируется на оригинальности смысловых нагрузок получаемых фигур, то есть важна направлен-

ность, ход рассуждений, а не истинность, что главенствует в случае правильных дедуктивных выводов.

Видно, что Пирс ни в коем случае не утверждает, что классические дедуктивные выводы (вторая и третья фигуры силлогизма) по сути своей являются замаскированными недедуктивными рассуждениями. Отмечая особенности рассуждений по второй и третьей фигурам, он использует их, чтобы продемонстрировать сущность недедуктивных рассуждений, а также их уникальность и несводимость к дедукции. Получается, что, так как абдукция и индукция не относятся к видам дедуктивных рассуждений, они не могут быть элементарно выражены при помощи правильных силлогизмов, которые представляют собой рассуждения дедуктивные. Отсюда понятно его обращение к неправильным модусам.

Итак, для полного конструирования своей теории Пирсу достаточно лишь простого категорического силлогизма. Кажется, он не нуждается в каких-либо других конструкциях. Почему так превознося роль рассуждений, он ограничивается самой простой силлогистикой? Дело в том, что для Пирса силлогизмы, посылками и заключением которых являются категорические высказывания, — наиболее ясная и прозрачная форма представления мыслей. Но как же быть с остальными видами высказываний и рассуждений? Ведь им выделяются несколько видов рассуждений: гипотетические, дизъюнктивные и т. д.

Вопрос снимается после ознакомления со следующей аргументацией Пирса, в которой основное внимание следует уделить обоснованию возможности представления всех видов высказываний в категорической форме. Он подразделяет все виды суждений на два больших класса: гипотетические и категорические. Гипотетические высказывания — это не имплицитные (или условные) выражения в нашем понимании слова; они представляют собой нечто большее: «в общем, гипотетические высказывания не делают заключений об утверждении, что реально случается, а утверждают, что неизменно является истинным при всех возможностях универсума» (СР 3.366). Их особенность в том, что они могут выходить «за рамки реаль-

ного положения вещей и заявляют о том, что бы случилось, если бы вещи были бы другими, или что могло бы произойти» (СР 3.374). Согласно позиции Пирса всякое гипотетическое суждение — это «любое (возможное) высказывание, составленное из высказываний» (СР 2.271). Понимая подобным образом гипотетические суждения, мы получаем некоторые основания соглашаться с идеей Пирса о сведении всех видов сложных высказываний к гипотетическим и, исходя из этого, подразделять их на суждения дизъюнктивные, условные и конъюнктивные, ибо возможность может являться нам в любой форме высказываний. Действительное положение дел тогда будет рассматриваться как одна из возможностей.

Пирс на этом не останавливается. Сводя все виды сложных суждений к гипотетическим, он сводит условные высказывания к дизъюнктивным, заявляя, что по сути они представляют одно и то же. «Условные высказывания суть только форма специального вида дизъюнктивных высказываний»¹⁸. Откуда возникает такое заключение? Нетрудно увидеть, что этот вывод осуществляется им на основании трактовки импликации в духе материальной импликации: в логике под формой «если А, то В» мы понимаем, что «в каждом возможном случае или А ложно, или В истинно»¹⁹. Пирс демонстрирует результат на примере естественного языка: «Таким образом, “Или вы будете заботиться о том, где вы идете, или вы промочите ноги” является дизъюнктивным высказыванием. “Если вы будете браво шагать, то промочите ноги” — условное высказывание, которое приводит к тому же результату»²⁰. Убедиться в обоснованности этого примера просто, рассмотрев его в рамках символической логики. Итак, если по содержанию высказывание «заботиться о том, где идти» полагать эквивалентным высказыванию «шагать не браво», тогда обозначим его как $\neg A$; «шагать браво», соответственно, как А. Высказывание же «промочить ноги» обозначим как В. Первое высказывание выглядит так: $\neg A \supset B$. Второе же выразимо следующим образом: $A \vee B$. Опираясь на формулы выразимости связок, очевидно:

$$\neg A \supset B \equiv A \vee B.$$

Одновременно с этим Пирс настаивает на невыразимости конъюнкции через дизъюнкцию. Полагать, что он просто просмотрел (намеренно или случайно) факт возможности подобного выражения, немислимо. Считаем, что у него было желание подкорректировать смысл материальной трактовки импликации, экстенциональное понимание которой, не учитывающее условную связь как таковую, ведет к известным парадоксам. Пирс не поднимает саму проблему парадоксов, но пытается предупредить их появление в своей теории, чтобы они не вставали на пути решения более важных с его точки зрения задач. Он не говорит явно об интенциональной трактовке импликации, однако предлагает наравне со связью по истинности учитывать связь по содержанию. В таком случае мы действительно не можем отразить всю сущность условных высказываний при помощи конъюнктивных, хотя можем осуществить такое отражение с помощью высказываний дизъюнктивных. Таким образом, понятным становится утверждение о подразделении гипотетических высказываний на конъюнктивные и дизъюнктивные.

Итак, Пирс подразделяет все высказывания на категорические и гипотетические; категорические высказывания традиционно делятся на общие и частные, гипотетические — на конъюнктивные и дизъюнктивные. Далее он делает важное для нас заявление: «Не существует никакой разницы между гипотетическими и категорическими (суждениями). Субъект — это знак предиката, антецедент консеквента, а это единственный момент, который интересует логику». То есть высказывание категорическое легко представляется в виде высказывания гипотетического при учете, что субъект играет роль антецедента, а предикат — роль консеквента и наоборот. «Категорическое высказывание “каждый человек смертен” является не чем иным, как модификацией гипотетического высказывания: “если человечность, значит смертность”» (СР 2.710). В гипотетических же перед нами следующая картина: «Если сверкает молния, то будет гром» означает, что выбор из *этого*

здесь ряда возможностей любого понравившегося вам случая, в котором или не будет молнии, или это будет случай появления вскоре грома. Итак, «Может быть молния без грома» означает: я могу найти вам в *этом здесь* ряде возможностей, случай, в котором имела бы место молния без какого-либо грома»²¹. Проводя параллель между видами гипотетических и видами категорических высказываний, Пирс замечает следующее: «Общие категорические высказывания являются дизъюнктивными, а частные высказывания — конъюнктивными»²². Что имеет в виду Пирс? Это странное замечание оказывается достаточно прозрачным, если обратиться за помощью к логике предикатов. Любое общее высказывание (утвердительное или отрицательное) в логике предикатов переводится при помощи квантора общности, примененного к имплицативному высказыванию, которое есть не что иное, как высказывание дизъюнктивное. Частное же высказывание переводится при помощи квантора существования и конъюнкции. Из этого получается то, о чем говорит Пирс: общие высказывания есть высказывания дизъюнктивные: $\forall x(\neg P(x) \vee Q(x))$, а частные — высказывания конъюнктивные: $\exists x(P(x) \& Q(x))$.

Раз возможно такое представление, то, справедливо полагает Пирс, удобнее выражать наши рассуждения в категорической форме, использование которой выгодно с позиции пользы и простоты (они представляют собой простые высказывания), четкости (дают информацию в наиболее четком виде), а также с позиции возможности учета внутренней структуры высказывания. «Получив, таким образом, удовлетворяющую нас отличную логическую эквивалентность категорических и гипотетических высказываний, мы можем для удобства говорить о них [гипотетических высказываниях] как о [высказываниях] выраженных в категорической форме»²³. Конечно, логика, равно как и любая другая дисциплина, ищет простоты, ясности и экономичности изображения. Таким образом, если мы можем представить все высказывания в гипотетической и ка-

тегорической форме, а затем показать взаимовыразимость этих двух видов высказываний, как это только что было продемонстрировано, то и все виды рассуждений, отличающиеся по характеру входящих в них высказываний, не трудно свести к категорическим силлогизмам.

Несмотря на то что предложение представить различные виды рассуждений при помощи силлогистических схем весьма интересно, оно имеет целый ряд существенных минусов, что приводит Пирса к отказу от таких схем. Дело в том, что силлогистика представляет собой довольно бедную логическую теорию, основывающуюся на традиционных принципах двузначности и монотонности, для обоснования работы амплиативных конструкций. Действительно, традиционная силлогистика, а вместе с тем и вся традиционная формальная логика, как и для Канта, является для Пирса слишком узкой теорией. Но это тема для особого исследования, а здесь нам важен сам факт перехода Пирса от теории суждений Канта к теории рассуждений и представления последних при помощи силлогистической теории.

Мы попытались разобраться в некоторых фундаментальных кантовских положениях, которые послужили основой для становления и развития логики Пирса. Кант настолько глубокий и разносторонний философ, что каждый его последователь может найти в его идеях что-либо, интересующее его особо. На Пирса трансцендентальная логика Канта, как мы видим, также оказывала громаднейшее влияние. Отталкиваясь от его идеи содержательной логики, Пирс строит свою концепцию содержательной логической теории. Подводя итог, необходимо отметить, что в понятие содержательной логики Пирс вкладывает несколько иной смысл, нежели Кант. Если Кант получает содержательную логическую теорию за счет добавления к формальной логике логики трансцендентальной, то есть философской теории, делая логику фундаментом философии, то Пирс пытается придать содержание самой формальной логике за счет внедрения недедуктивных способов

рассуждений, углубленного исследования, опираясь на математику, дедуктивных рассуждений (что приводит его к логике, называемой в наши дни символической). Таким образом, полагаем, что содержательность логики Пирса заключается как раз в пересмотре не только объема, но и содержания (он не различает еще семантический и синтаксический аспекты) логики традиционной.

¹ Можно особо отметить, пожалуй, лишь перевод В.В. Горбатого двух знаменитых эссе Ч. Пирса — «Закрепление верования» и «Как сделать наши идеи ясными», опубликованных в журнале «Вопросы философии» в № 12 за 1996, и книгу Ч.С. Пирса «Принципы философии» (Т. 1. СПб.: С.-Петербург. философское общество, 2001). Пиратский же перевод работ Пирса, выпущенный в двух томах издательством «Алетейя», или фрагмент работы Пирса «Gramatica speculativa» в сборнике «Семиотика» (Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 151—210) ввиду некачественного перевода вообще принимать в расчет нежелательно. Никак не может увидеть свет книга с работами Ч. Пирса в переводе Д. Лахути, только после издания которой мы сможем говорить о том, что русскоязычному читателю становится известен настоящий Пирс.

² *Fisch M. H. Peirce as Logician // Studies in Logic. Amsterdam; Philadelphia: 1983. P. 22.*

³ *Peirce C.S. Reasoning and the Logic of Things: the Cambridge Conferences Lectures of 1898. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 1992. P. 122.*

⁴ *Houser N. Introduction to Volume 1 The Essential Peirce // <http://www.iupui.edu/~peirce/web/ep/ep1/intro/ep1intro.htm>. P. 7.*

⁵ Для высказываний Пирса, взятых из: *Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Cambridge, Massachusetts: The Belknap press of Harvard University press, 1965—1967*, — в этой статье предлагаем общепринятое обозначение — (CP 4.2), где CP — название собрания, цифра, стоящая следом — номер тома, а цифра после точки — номер отрывка в сквозной пагинации.

⁶ *Нарский. И. С. Кант. М.: Мысль, 1976. С. 115.*

⁷ *Hiltscher R. Kants Begrundung der Adaquationstheorie der Wahrheit in der transzendentalen Deduction der Ausgabe B // Kant-Studien. 1993. Jg. 84. S. 428.*

⁸ Михайлов К. А. Логические идеи И. Канта: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. С. 46.

⁹ Там же. С. 195.

¹⁰ Peirce C. S. Reasoning and the Logic of Things: the Cambridge Conferences Lectures of 1898. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 1992. P. 116.

¹¹ Термин «идиоскопия» взят у И. Бенгама и обозначает совокупность всех специальных наук (Мельвиль Ю. К. Чарльз Пирс и прагматизм. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 66).

¹² Михайлов К. А. Логические идеи И. Канта: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. С. 70.

¹³ Можно возразить, что мы не полностью освещаем концепции Канта и Пирса, но нами и не ставится такая задача. Перед нами стоит конкретная цель — выявление влияния Канта на формирование логических взглядов Ч. Пирса, то есть мы хотим найти ответ на вопрос: что позаимствовал американский философ у своего «учителя», а также какие изменения претерпевают идеи Канта в его логике. По этой причине мы сознательно ограничиваемся определенным кругом проблем.

¹⁴ Peirce C. S. On a New List of Categories // Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Cambridge, Massachusetts: The Belknap press of Harvard University press, 1965. Vol. 1: Principles of philosophy. P. 287—305.

¹⁵ Субботин А. Л. Теория силлогистики в современной формальной логике. М.: Наука, 1965. С. 5.

¹⁶ Нарский И. С. Кант. М.: Мысль, 1976. С. 88.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Субботин А. Л. Теория силлогистики в современной формальной логике. М.: Наука, 1965. С. 125.

¹⁹ Peirce C. S. Reasoning and the Logic of Things: the Cambridge Conferences Lectures of 1898. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1992. P. 126.

²⁰ Ibid. P. 125.

²¹ Ibid. P. 130.

²² Ibid. P. 127.

²³ Ibid. P. 130.